

культура

Валентина Козинцева: Шварц называл Козинцева помесью крапивы и мимозы

Коммерсантъ-daily
— 1997. — 3 окт. — с. 14

Издательство «Артист. Режиссер. Театр» подготовило к выходу в свет более 500 писем режиссера Григория Козинцева, классика советского кинематографа, создателя фильмов «Шинель», «Гамлет», «Король Лир», трилогии о Максиме. Переписку составила и сопроводила подробным комментарием Валентина Козинцева, вдова режиссера. С ВАЛЕНТИНОЙ КОЗИНЦЕВОЙ беседует ОЛЬГА ХРУСТАЛЕВА.

— О вас и Козинцеве рассказывали, что вы были стильными людьми и дом у вас был по-настоящему стильным, с прекрасными коллекционными предметами.

— Григорий Михайлович называл наш дом цыганским безобразием. Г. М. никогда не был коллекционером и ненавидел это слово. Все, что он покупал, все, что дарилось друзьями, не превратилось в коллекцию... Многие вспоминают, какой он был элегантный. Но это не элегантность костюма от кутюрье, а элегантность от природы, умение держать спину, как говорят балетные.

— О вас всегда говорили, что вы человек светский. Что такое «свет» применительно к советской жизни?

— Дивное окружение. Когда меня спрашивали, знала ли я Маяковского, Мейерхольда, я отвечаю: «Они меня знали». Я была маленькая, и как я теперь могу сказать, что знала Луначарского? Он меня знал! Он работал с моим отцом, они написали совместный сценарий.

А нашим вторым с Григорием Михайловичем домом был дом Эренбургов в Москве. Жена Ильи Григорьевича Любовь Михайловна была сестрой Козинцева. Дом у них не закрывался: Эренбург был необыкновенным человеком, их квартира была очень красива. В доме была такая живопись — весь мир дарил! В столовой — Пикассо. Однажды пришла жена поэта Степана

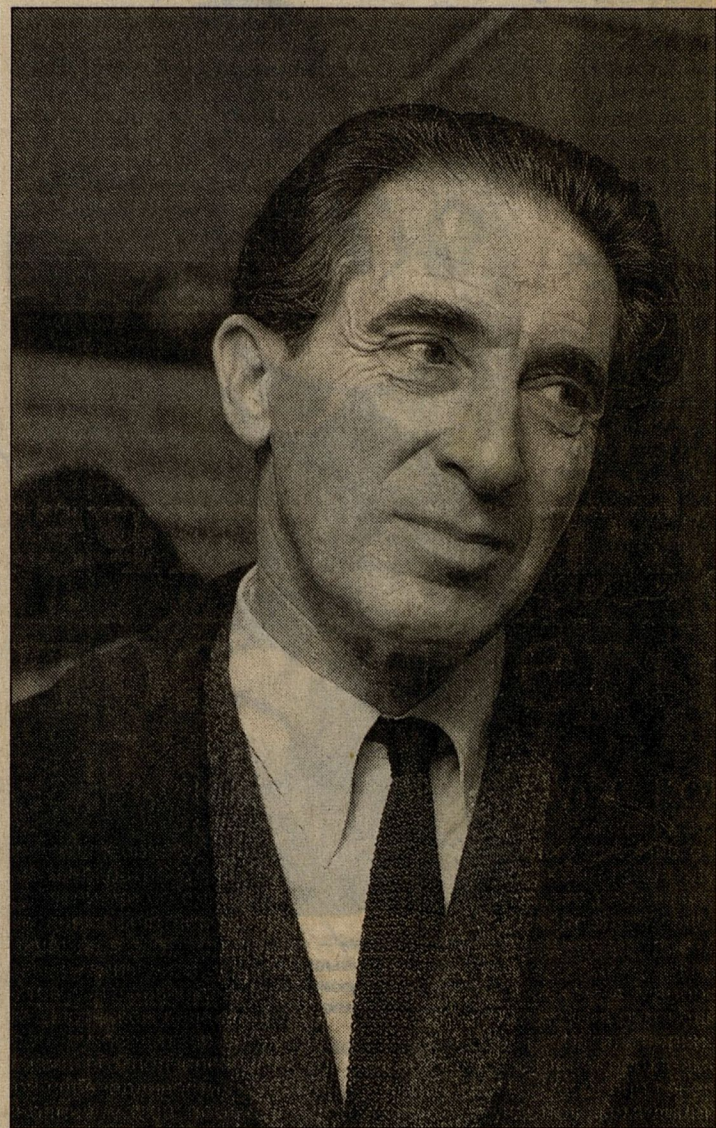
Щипачева. Потом вышла из квартиры и говорит: «Дети, я была в аду». Настолько эта живопись ей показалась страшной.

— До Козинцева вы были замужем за другим знаменитым кинорежиссером — Борисом Барнетом.

— Борис Васильевич знал меня с детства, поэтому относился ко мне и как к жене, и как к ребенку. Он говорил: «Как удобно стало ходить с тобой под руку, а не водить тебя за ручку». В Москве мы жили в крохотной комнатухе, но там собирался весь цвет литературы. И Катаев, и Светлов, и Олеша — все крутились в этой комнате. У нас была необыкновенная дружба, но как муж он был невыносим. Его любили все — женщины, мужчины, дети, собаки, кошки, птицы — все. И он любил всех.

Когда мы были в эвакуации, к нам еще приехали мать и сестры Барнета, две сестры Суок (Ольга Густавовна была женой Олеси, а Серафима Густавовна — женой поэта Владимира Нарбута). Мы жили все вместе. Там же в Алма-Ате, в этой же гостинице, жил Шкловский. До войны моя мама работала у Виктора Борисовича литературным секретарем. Меня он знал с детства, я была ровесницей его сына. И Виктор Борисович стал писать мне два раза в день любовные письма. Если бы они сохранились, получилась бы отличная книга. Я сожгла письма Шкловского после ареста мамы в 1949 году. Так же, как подаренный мне Николаем Эрдманом рукописный экземпляр его пьесы «Самоубийца».

Когда уже нужно было из эвакуации возвращаться в Москву — я прихожу домой и вижу, что Барнет тоже собирает чемодан. Я говорю: «Боря, а ты-то что?» Он говорит: «Дуреха, я посмотрел, как ты собиралась, на твои вещишки несчастные, и решил, что не могу отправить тебя одну в Москву». «А картина?» — «Черт с ней с этой картиной!» Такой был человек.

Григорий Козинцев на Венецианском фестивале, куда он привез свой фильм «Гамлет» (1964)

— А Козинцева, напротив, считали человеком очень холодным, замкнутым.

— Знаете, я как-то попросила написать воспоминания Ирину Павловну Голованю, главного редактора студии «Ленфильм». «Да я так его боялась, что, когда он шел по коридору, пряталась — только бы с ним не столкнуться. Можно, я задам вам один нескромный женский вопрос? Как вам могло прийти в голову

выйти замуж за Козинцева?» — «А почему вы считаете, что мне? Это ему пришлось в голову».

Он был очень смешлив дома и необыкновенно остроумен. Например, он приехал и говорит: «Слушай, посмотри, пожалуйста, на меня внимательно!» «А что такое?» — «Нет, теперь посмотри в профиль!» — «Ну что ты хочешь?» — «Я что, выгляжу таким идиотом? Можно поду-

мать, что я не умею читать?» — «Да в чем же наконец дело?» — «Я ехал в купе с твоим соучеником по Вахтанговскому училищу, и он сказал, что сегодня вечером хочет прочитать мне вслух „Евгения Онегина“!»

Г. М. не был замкнутым. Просто не переносил пустых, посторонних разговоров, не относящихся к работе. Поэтому он ненавидел ходить на официальные приемы. Однажды его долго уговаривали и обещали, что будет Марго Фонтейн. Г. М. смеялся: «Они, наверное, хотят (в это время Нуреев остался за границей), чтобы я уговорил Марго Фонтейн остаться у нас». К счастью, на приеме он сидел рядом с ней и сразу стал расспрашивать ее об Офелии — она танцевала в балете по «Гамлету». Его эта тема особенно волновала в то время. Фонтейн сказала: «Ну как я могу рассказать? Я не умею. Давайте мы выйдем, и я вам покажу, как танцевала». Они вышли в соседнюю комнату, и она ему танцевала сцену сумасшествия и что-то еще. Единственный раз Козинцев был в совершеннейшем восторге от официального приема.

Он и Шварца называл «помесью Тютчева и демьяновой ухи», потому что Евгений Львович обожал бытовые разговоры: кто с кем живет и т. д. В 1949 году я жила на даче в Комарове. Г. М. снимал «Белинского» на натуре. Я поехать с ним не могла: в это время была арестована моя мать. Каждый день ко мне приходил Шостакович, хотя ему это было сложно (он жил довольно далеко), или Шварц, который жил совсем близко и приходил по нескольку раз в день. Шостакович был со мной необыкновенно открыт. И это было доверие, конечно, не ко мне, молодой женщине, а к Г. М., с которым он очень дружил.

В это время были арестованы жены братьев Гукских — литературоведа Григория и искусствоведа Матвея, с которыми мы очень дружили. Можно было ожидать, что это коснется и меня. Поэтому я сказала Шварцу, чтобы он не называл мне имена людей, о которых рассказывает: «Я знаю, как ведут себя люди на свободе, но никогда не знаешь, как будешь себя вести, когда тебе ломают кости». На следующий день от калитки Шварц смеясь закричал: «Валентина Георгиевна, не скажу кто — Николай Павлович Акимов — вчера рассказал мне...» И дальше шла очередная байка.

— Независимый характер Козинцева влиял на его творческую судьбу?

— Он был железобетонным, его нельзя было сломать. У Шварца есть прекрасная запись, что Козинцев — это помесь крапивы и мимозы. Он ничего никому не спускал, но после очень страдал: «Я объяснил этой сволочи все, что о нем думал, а потом долго мучился: зачем я это сделал, зачем я с ним связался?»

Г. М. ведь пришел мальчиком в революцию. Он участвовал вместе со студией Экстер в украшении Киева к 1 мая 1919 года. Агитпоезд расписывал. Иллюзии были у него, как у многих из того поколения. Только потом кто-то получал партийный билет, а кто-то расставался с иллюзиями. Третью часть трилогии о Максиме Г. М. снимал под страшным прессом. В это время на студии арестовали главного редактора Пиотровского, арестовали помощника Козинцева и его лучшего друга художника Енея, с которым он делал все картины. Когда я приехала в Ленинград и Козинцев знакомил меня с Енеем, он сказал: «Вот это — единственный честный коммунист, которого я знал за всю свою жизнь».

Тем не менее, когда разоблачили культ личности и позвонили Г. М., что надо вырезать кадры со Сталиным, он сказал: «Ни в коем случае. Я запрещаю. Я тогда так думал. Я не отказываюсь от своих картин».

— Вы окончили Вахтанговское училище, актерское

отделение ВГИКа, и вас оставили в труппе театра, но вы все бросили, потому что стали женой Козинцева.

— Да, хотя я была уверена, что приеду в Ленинград и буду играть. Рубен Николаевич Симонов сказал мне, что меня нужно внести в Красную книгу, потому что я — единственная актриса, которая ушла из театра по собственному желанию.

— Вы когда-нибудь жалели о том, что оставили актерскую профессию?

— Нет.

— Козинцев дружил с литературоведами, да и сам скорее был исследователем.

— Конечно, он был замечательным шекспироведом. Все его самые близкие друзья — Тынянов, Эйхенбаум, Аникст — были литературоведами. Уже когда он писал большие книги, часто гово-

чудовищные люди, эти актеры? То ли дело: я сижу один на один с машинкой и могу сказать все, что хочу».

Однажды мы были в Кисловодске, и вдруг позвонили из издательства: нужно менять название книги для американского издания, потому что в Америке вышла книга Яна Котта «Наш современник Шекспир». Я зашлась: «Боже мой, какое воровство, какое безобразие!» Но Г. М. его защищал: «Это вещи, которые носят в воздухе». Я ему: «Ты вспомни, мы ехали с тобой в электричке, ты перечислял всякие названия книги, и я говорила „нет, нет“». Потом ты сказал «Наш современник Шекспир», и я схватила тебя за руку: «Вот, все, остановились на этом!». Он говорит: «А в это время кто-то так же взял за руку Котта». Тем не менее отпустить был испорчен, нужно было придумать новое название. Потом Г. М. поехал на Первый шекспировский конгресс в Канаде, там кто-то подлетает к нему, обнимает и кричит: «Козинцев, Козинцев, простите меня, я украл у вас название!» Он смотрит (они там ходили со значками с фамилиями) — написано: «Ян Котт».

— Вы закончили работу над «Перепиской» Козинцева. Это просто собрание писем, или у книги есть внутренний сюжет?

— Книга начинается с письма маленького Козинцева своей тете в Санкт-Петербург о книгах, которые он покупает. Тетя его с 1901 года была ассистентом врача Отта и вместе с ним — акушером при дворе. Так вот, Григорий Михайлович пишет ей из Киева, где он жил с родителями, что ему исполнилось десять лет и ему подарили часы. Этим часам сейчас восемьдесят лет, они идеально идут. Я их надела, когда начинала работать над книгой, и решила, что сниму их только тогда, когда эта книга выйдет. Кончается она письмом Дмитрия Шостаковича 1973 года. Этого письма Григорий Михайлович уже не прочитал.

В конце 50-х Людмила Козинцева-Эренбург сделала несколько рисунков-портретов Валентины Козинцевой

рил: «Господи, ну почему я сижу за машинкой, это не моя профессия, я режиссер, я должен снимать». А когда начинал картину, то приходил домой и говорил: «Ну зачем этот ужас? Этот кошмар, эти